

«Аида» в театре «Геликон».

Известия - 1998 - 6 марта - С.6.

Охотница за озарениями

Молодая актриса театра «Геликон» стала открытием «Маски-98»

Наталия Загоринская — запомните это имя. Слово «звезда» поистерлось, но очень скоро молодую солистку «Геликона» будут называть именно так. Тот, кто не видел ее в «Кармен», не видел ничего: гибкая, злая, необыкновенно сексуальная, артистичная, с великолепным сопрано... А в жизни Загоринская совсем другая: тихая, скромная, пожалуй, даже неброская женщина. Ее выдают лишь живые глаза да изумительная пластика, руки, летающие во время разговора, и необычное обаяние. Скоро за ее автографами будут охотиться, а пока что знакомьтесь: Н. Загоринская, московская певица, прекрасная актриса, странный и интересный человек.

— Наташа, скажите, как вы пришли в «Геликон»?

— После Московской консерватории я поступила в аспирантуру; одновременно Дмитрий Бертман пригласил меня в свой театр. Мне повезло, что я попала туда, где не надо ждать чьей-то пенсии, чтобы получить роль.

— Как вы представляете свою дальнейшую карьеру?

— Никак. В жизни я человек ведомый. Бертман пришел, взял меня за руку, сказал: «Пошли!.. Будем работать вместе!» Я и пошла. А сама я о своей карьере не пекусь, пробиваться не умею, прослушиваний боюсь. Я люблю, когда меня приглашают, когда в меня верят — тогда у меня все получается хорошо...

— Значит, вы тихий, домашний человек?

— В жизни. К тому, что я делаю на сцене, это отношения не имеет. Хотя в актерской голове эти понятия часто смешаются: может быть, то, что происходит на сцене, и есть моя жизнь. Иногда у меня, как теперь говорят, просто едет крыша. Когда я в тридцатый раз пою в спектакле и, выйдя на сцену, вижу знакомые вещи, то чувствую, что на самом деле я живу здесь, что я вернулась домой... От этого немножко шизеешь. Хотя на самом деле, разумеется, моя жизнь проходит между ролями...

— Но на самом деле они и есть ваша настоящая жизнь.

— Да, именно так! И, поверьте, это не громкие слова.

— Ваша семья была музыкальной?

— Была и есть. Дедушка мой играл на фаготе в Львовском театре, отец и мать у меня пианисты, брат виолончелист, дочь пианистка, и сама я имею фортепианное образование. И, несмотря на это, решила петь. Это своего рода болезнь — запев, человек не может забыть то прекрасное чувство, которое он в это время испытывает, и правдами и неправдами хочет стать профессиональным певцом. Ощущение и в самом деле дивное — ты поешь, ты весь развернут, и душа у тебя летит... Вот я и подхватила эту вокальную хворь — и запела в «Геликоне». Спела прокофьевскую Маддану, спела Парашу в «Мавре» Стравинского, пела Дебюсси, Пуленка, Леонкавалло, пела Аиду и Амнерис, Кармен и Микаэлу, Лизу в «Пиковой даме», Татьяну в «Евгении Онегине»... Я даже не могу сказать, сколько у меня было ролей — мне кажется, я ошибусь на десяток.

— А за стенами «Геликона» вы работаете?

— Работаю много — но только не в опере. Я занимаюсь камерным музицированием — романсами, вокальными циклами, музыкой, написанной для голоса и роля. Занимаюсь я и современной музыкой: мы дружны с композитором Эдисоном Денисовым — с его подачи я работаю с ансамблем современной музыки в Женеве. В прошлом году я была в Эдинбурге на фестивале современной музыки, после него

получила много других приглашений... Это совсем другая жизнь, о которой здесь, в «Геликоне», мало кто знает.

Там я работаю, как на другой планете: эта музыка широкому кругу слушателей (тем более — наших слушателей) непонятна. Она чересчур сложна — «Плачи» Денисова, которые я пела в Музее Глинки, ошарашили публику. В них все очень открыто, насыщено, в них слишком много эмоций... Для нашей публики, идущей послушать вокалистку, а не вокалистку и ансамбль, исполняющих музыку сегодняшних проблем, это дело непривычное. Мне современная музыка сначала тоже казалась какофонией: Боже мой, Боже, я не могу это слышать! Но я заставила себя в нее войти и разобралась, что к чему — оказалось, что там есть и логика, и гармония. Современную музыку надо не только уметь исполнять — ее надо уметь слышать. А с этим у нас пока обстоит не очень хорошо.

— Считается, что певица и актриса — профессии разные: в музыкальном театре прют, в драматическом играют. В вас эти ипостаси ужились — как это произошло?

— Если вы хотите услышать красивую музыку и красивые голоса, в которых звучит душа, посмотреть на красивые декорации, то можно сходить в Большой театр и удовлетвориться этим концертом в костюмах. Если вам этого мало и вы хотите увидеть актерскую игру, взглянуть в актерские глаза — приходите в «Геликон». У нас маленькая сцена, где нет даже кулис, здесь невозможно стоять на сцене истуканом и тереть нос. Не играть в «Геликоне» нельзя — публика видит все, что мы делаем.

А что касается персонально меня, то я, право, не знаю, в чем тут дело.

— Есть такое образование — «артист музыкального театра». Как вы без него обходитесь?

— Пока обхожусь «Геликон» на

чалась на базе курса ГИТИСа, и после Консерватории я сначала чувствовала себя белой вороной. В ГИТИСе ребята танцуют, занимаются акробатикой — поют чуть ли не вверх ногами... Я этого не проходила — сначала мне не раз приходилось слышать: «Ах, ты из Консерватории...» Но у меня было природное влечение к актерской игре — и скоро эта тема умерла. Я не чувствую никакой профессиональной неполноценности, хотя и допускаю, что у меня все впереди, что я где-нибудь еще нарвусь.

— Как вы представляете себе свою дальнейшую жизнь, что бы вы от нее хотели?

— Ни о чем подобном я не думаю. У меня есть десятилетняя дочь, есть обыкновенные человеческие желания — просто существовать, работать, ездить по миру и всему этому радоваться. А свою судьбу я не выстраиваю: делают мне предложение, я и соглашусь. Ноты на колени, в уши — наушники: думаю, разбираюсь, ломаю голову. Мой внутренний слух имеет свой идеал исполнения любого произведения: если я не могу спеть так, как слышу, я безумно страдаю... Приглашений у меня много, особенно по современной музыке, — дай Бог со всем справиться. На то, чтобы думать о карьере, не остается ни времени, ни сил. Сейчас, когда у меня такой замечательный возраст, я просто обязана работать — ведь все очень быстро кончится. Вчера я родилась, полчаса назад училась, сейчас работаю, а потом все пройдет, и не будет ничего.

Я мечтаю лишь об озарениях, которые, к счастью, все же бывают. Я работаю, работаю — а потом вспыхивает какой-то свет, и мы за семь дней делаем спектакль «Кармен»... Но это, к сожалению, не выстроишь, не организуешь, не загадаешь.

Алексей ФИЛИППОВ,
«Известия».

Фото
Олега НАЧИНКИНА.